

В. Г. АДМОНИ и Т. И. СИЛЬМАН

ОТБОР ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ И ВОПРОСЫ СТИЛЯ

Все, кто занимается вопросами стилистики, согласны в одном: основные понятия стилистики как особого раздела языкознания крайне неясны. Именно поэтому мы постараемся в первую очередь коснуться вопроса о самом существе понятия «языковой стиль», о его границах и разновидностях. Для этого необходимо выяснить, каким образом те явления, которые объединяются в понятие языкового стиля, связаны с языком вообще, в его цельности и многообразии, на основе каких сторон языка и каких языковых закономерностей возникают важнейшие признаки языкового стиля и насколько они распространены в языке.

Основным признаком языкового стиля, так или иначе признаваемым всеми исследователями, можно считать фактор отбора языковых средств. Идет ли речь о стиле как системе, или о стиле как оформлении целенаправленного высказывания — во всех этих случаях подразумевается тот или иной отбор средств языка, направленный к осуществлению определенной цели¹. Поэтому нам кажется целесообразным и начать с рассмотрения тех факторов, которые ведут к отбору языковых средств.

Процесс речевого общения осуществляется в различных конкретных формах — в форме диалогической или монологической речи, в форме устной или письменной речи, с их дальнейшими разновидностями. И уже эти различия в коммуникативной форме речи обуславливают собою известный отбор языковых средств, преимущественно грамматических. Для некоторых коммуникативных форм речи в языке вырабатываются даже свои специфические грамматические категории (таковы, например, вопросительные или побудительные предложения как формы высказывания, характерные для диалога². Однако таких грамматических

¹ Проблема отбора языковых средств всегда связывается с проблемой синонимии, поскольку сама возможность отбора предполагает наличие в языке синонимов — как лексических, так и грамматических. Хотелось бы подчеркнуть одну сторону языковой синонимии, которой не всегда уделяется достаточно внимания. Обычно под синонимами понимаются слова (или формы, конструкции) с близким, но не тождественным значением (ср. А. Н. Гвоздев, *Очерки по стилистике русского языка*, М., Изд-во АПН РСФСР, 1952, стр. 30). Между тем в самом широком смысле, с точки зрения возможностей отбора языковых средств, синонимический характер приобретают все языковые средства, могущие (хотя бы с разных сторон и лишь с примерно одинаковой полнотой) выразить, не теряя своего основного значения, один и тот же отразившийся в мышлении кусочек действительности. В этом смысле синонимическими в лексике окажутся не только слова, обозначающие одно понятие с расхождениями в оттенках значения (например, *будущее* и *грядущее*), но и слова, обозначающие один и тот же предмет с большей или меньшей степенью обобщенности. В этом смысле синонимическими окажутся, например, такие слова, как *Жучка* (кличка определенной собаки), *лайка* (порода этой собаки), *собака*, *животное*, — потому что все эти слова могут обозначать данную собаку.

² Конечно, закрепленность и этих грамматических категорий за определенными коммуникативными формами речи не может считаться абсолютной; ср. риторические вопросы, возможные в любой форме речи, использование побудительных предложений в научных, технических, учебных текстах и др.

форм, которые закрепляются за определенными коммуникативными формами речи, очень немного: это конструкции, выражающие некоторые из самых основных и глубинных, самых древних и органически необходимых разновидностей форм общения. В языке несравненно больше грамматических форм, которые отнюдь не прикреплены к тому или иному виду речи, но постоянно повторяются в нем. Так, в устной форме речи, особенно в диалоге, сама ситуация, в которой осуществляется речевой процесс, открывает дверь многообразным эллипсам, сравнительной краткости предложений, отсутствию сложных конструкций. Однако соответствующие языковые явления (эллиптичность, краткость предложений и т. п.) отнюдь не закреплены за диалогическим видом речи. С другой стороны, в диалоге (в зависимости от его содержания, эмоционального тона и т. д.) могут встречаться и развернутые, сложные структуры предложения. Следовательно, отбор определенных языковых явлений типичен для разных коммуникативных форм речи, но не имеет абсолютного характера.

Кроме того, надо подчеркнуть, что очень многие грамматические явления вообще не заключают в себе возможностей отбора. В русском языке почти вся морфологическая система, основные виды глагольных и именных словосочетаний, формы дополнений и обстоятельств и многие другие формы, как правило, никак не «отбираются» в зависимости от той или иной формы речи. Трудно найти и какой-либо существенный отбор в лексике, если оставить в стороне момент содержания речи, который, правда, тесно связан с формами речи, но все же отнюдь не совпадает с ними.

Таким образом, наличие различных коммуникативных форм речи вызывает к жизни известный отбор языковых средств, который, однако, не ведет к превращению этих форм речи в замкнутые языковые системы.

Известный отбор языковых средств закономерно возникает также в связи с тем, что язык используется как средство общения во всех сферах человеческой деятельности, а также в связи с многообразием предметов речевого общения. Оба эти момента тесно связаны между собой, но иногда соотносятся очень сложным и противоречивым образом.

Особое значение приобретает здесь отбор лексических средств. Естественно, что речевое общение, протекающее в какой-либо сфере человеческой деятельности и имеющее своим предметом эту деятельность (например, какую-либо отрасль техники), широко и систематически использует слова, обозначающие предметы и явления, относящиеся к этой сфере деятельности. Более того, общение в различных сферах человеческой деятельности, имеющее своим содержанием эту деятельность, может характеризоваться известным отбором не только в отношении конкретного лексического состава, но и в отношении самого типа употребляемых слов. Так, для речи технической и научной характерно концентрированное употребление специальных терминов и абстрактной лексики. В бытовой речи такая лексика употребляется значительно реже.

Та или иная сфера деятельности, а также предмет речевого общения в известной степени влияют и на отбор грамматических форм, впрочем, перекрещивающийся с отбором, обусловленным коммуникативной формой речи. Как неоднократно отмечалось, для научной и технической сферы деятельности характерно преимущественное употребление целого ряда грамматических конструкций и некоторых служебных слов, — например, в русском языке таких союзов и предлогов, как *в течение*, *в свете*, *в то время как*, *между тем как* и т. п., страдательных конструкций и др.³ С другой стороны, в этих сферах речевого общения отсутствуют некоторые

³ См. А. Н. Гвоздев, указ. соч., стр. 177 и сл.

словообразовательные и морфологические категории, например, слова с так называемыми суффиксами субъективной оценки. Однако для грамматических форм можно говорить не о «закрепленности», а лишь о типичности и значительной концентрации их в какой-то — всегда широкой — сфере общения. (Так, например, в немецком языке массовое использование пассива отличает речевое общение не в какой-то специфической отрасли техники, а во всех отраслях техники и науки.)

Следует подчеркнуть, что лексические средства, особенно термины, несравненно более тесно, чем грамматические формы, связаны с тем или иным кругом деятельности; здесь можно говорить даже об известной (хотя тоже не абсолютной и значительно варьирующейся) закрепленности слов за определенной сферой общения.

Речевое общение, протекающее в какой-либо сфере человеческой деятельности, не всегда имеет своим содержанием саму эту деятельность. Особенно общение в бытовой сфере жизни может затронуть любые вопросы и темы — научные, технические, политические, причем языковое оформление этих тем будет обладать смешанными чертами. Так создается сложность и разноплановость отбора языковых средств, еще раз подтверждающая, что и здесь отнюдь не возникает какой-либо замкнутой языковой системы.

Для отбора языковых средств в зависимости от сферы общения существенно и то, что речь может характеризоваться определенной окрашенностью тона. Мы имеем здесь в виду так называемую «социальную ситуацию», в зависимости от которой, как отмечает В. В. Виноградов, можно различать «стиль торжественный, стиль подчеркнуто вежливый и т. д.»⁴ Но хотя эта «тональная» окраска языковых средств несомненно связана с определенной «социальной ситуацией» (например, на научных диспутах обычно преобладает тон сухой вежливости), все же она в значительной степени определяется и другим фактором — познавательно-оценочной установкой говорящего. Внутри одной и той же «социальной ситуации» бывает возможна самая различная «тональность» (известно, что и при научных диспутах нередко встречаются значительные отклонения от основного «тона» в связи с обострившимся столкновением точек зрения). Вместе с тем надо отметить, что на разных этапах развития языка закрепленность определенного «тона» за определенной «социальной ситуацией» оказывается различной (прежде она была значительно большей), а в некоторых специфических сферах общения она очень значительна и сейчас (например, при дипломатических переговорах).

Все перечисленные выше факторы, так или иначе влияющие на отбор языковых средств, непосредственно обусловлены самой формой и сферой коммуникации и объективным содержанием сообщения. Однако значительное влияние на отбор языковых средств оказывают и такие факторы, которые коренятся не в общих условиях коммуникации, а в подходе говорящего (пишущего) к своему высказыванию, в его индивидуальной установке. Конечно, сама эта индивидуальная установка (в дальнейшем мы будем говорить просто «установка говорящего») имеет объективный характер, во-первых, потому, что она порождена объективными социальными факторами, а во-вторых, потому, что ее языковое выражение, в силу социальной природы языка, неизбежно должно отлиться в определенные объективные и закономерные формы, допускающие, правда, огромное количество частных вариантов.

В самой индивидуальности этой установки говорящего (с точки зре-

⁴ В. В. Виноградов, О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII—XIX вв., «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1946, вып. 3, стр. 225.

ния ее влияния на отбор языковых средств) существует множество градаций. Если в некоторых случаях установка говорящего отличается значительной сложностью и своеобразием и выражается в чрезвычайно сложном отборе языковых средств, то в других случаях она оказывается более простой, носит более обычный, типический характер и выражается в более типичных и устойчивых, постоянно повторяющихся формах отбора языковых средств.

Таким более устойчивым характером отличается отбор языковых средств, осуществляющийся на базе эмоциональной установки говорящего, т. е. на базе различного эмоционального наполнения речи. Здесь, конечно, также возможны самые разнообразные индивидуальные формы и разновидности отбора, но за ними ясно намечаются определенные типические явления. Так, для повышенно эмоциональной речи особенно характерно употребление эллипсов и инверсии, отсутствие сложных синтаксических построений. Менее постоянным признаком повышенно эмоциональной речи являются лексические средства (существенное значение имеют здесь, например, междометия, определенные типы которых закреплены за этим видом речи).

Надо подчеркнуть, что отбор языковых средств в зависимости от эмоционального содержания речи перекрещивается с отбором языковых средств, обусловленным другими ранее упоминавшимися сторонами языкового общения. Так, повышенно эмоциональная речь тесно связана с речью устной, особенно диалогической, бытовой. Не случайно конкретный отбор языковых средств идет здесь в одном направлении — наличие эллипсов, стремление к краткости предложения, отсутствие сложных форм подчинения и т. д. Но повышенно эмоциональная речь возможна не только в устной диалогической и не только в обиходной речи. Она возможна в монологической форме речи, возможна и в применении к политической тематике, к тематике, связанной с искусством, даже с наукой и т. д. И во всех этих случаях конкретный отбор языковых средств будет определяться сложным сочетанием всех тех условий и форм, о которых говорилось выше.

Значительное влияние на отбор языковых средств оказывает стремление к выразительности и четкости речи. В этом факторе отбора языковых средств также ярко выступает установка говорящего; но и здесь, при всем возможном многообразии, явственно проявляются общие, типические тенденции, возникающие на основе конкретных черт строя данного языка.

Стремление к выразительности и четкости речи занимает особое место среди других факторов, определяющих отбор языковых средств: очень часто оно проявляется не в концентрированном повторении в речи каких-либо грамматических или лексических явлений, а в тенденции к многообразию речи, к варьированию языковых средств, к употреблению контрастирующих форм и т. д. С этим связано, в частности, широкое употребление синонимов в одном и том же отрезке речи⁵.

С другой стороны, стремление к выразительности и четкости речи может привести и к подчеркнутому повторению какого-либо слова или грамматической формы в целях акцентирования основной мысли говорящего. Обычно это бывает связано с повышенной эмоциональностью высказывания. Ср.: «Где помнят начало поэзии, где поэзия явилась не как плод национальной жизни, а как плод цивилизации, там, для полного развития поэзии, нужно прежде всего выработать поэтическую форму; ибо,

⁵ Так, в работах И. П. Павлова неоднократно встречается равнозначное употребление (т. е. употребление в качестве синонимов) слов *собака* и *животное*, связанное со стремлением избежать монотонного повторения одного и того же слова.

повторяем, поэзия прежде всего должна быть поэзией, а потом уже выражать собою то или другое»⁶.

Отбор языковых средств, обусловленный стремлением к выразительности и четкости речи, может охватывать целый ряд явлений языка, выступающих в известном единстве. Но и здесь отбор, как правило, не распространяется на всю совокупность языковых явлений, представленных в соответствующем отрезке речи, и не имеет абсолютного значения. Таким образом, и здесь нет оснований говорить о возникновении какой-либо замкнутой системы речи.

Установка говорящего как фактор, обуславливающий отбор языковых средств, приобретает особое значение при выражении говорящим его познавательного-оценочного отношения к предмету речи, к адресату речи, вообще к действительности. Переплетаясь с различными оттенками эмоциональности, многообразные формы выражения познавательного-оценочного отношения говорящего к предмету речи, определяющегося его мировоззрением и конкретными условиями общения, получают разное выражение путем отбора языковых средств.

На базе познавательного-оценочного отношения говорящего к содержанию высказывания, а также к адресату речи и вообще к ситуации оформляются многообразные типы эмоционально-экспрессивной речи. Отбор языковых средств, преимущественно лексических и синтаксических, особенно интонационных, складывается здесь на основе слитного выражения целого ряда моментов: самой оценки, ее эмоциональной интенсивности, характера «социальной ситуации», не говоря уже о влиянии таких факторов, как коммуникативные формы речи, стремление к выразительности и т. д.

Наличие познавательного-оценочной установки говорящего свойственно, конечно, всем видам речи, всем высказываниям. Но в ряде случаев оно не играет решающей роли в общей организации высказывания, которая определяется другими факторами. Такое положение, например, имеет место в технической литературе, где отбор языковых средств определяется формой и сферой речевого общения и его содержанием. Между тем в публицистике, художественной литературе, иногда в бытовой речи оценочная установка говорящего окрашивает все высказывание в целом и цементирует его форму.

*

Отбор языковых средств пронизывает, таким образом, всю жизнь языка, составляет одну из сторон его непосредственного функционирования. На основе такого отбора, соответственным образом организованного, в результате взаимодействия между разными определяющими его факторами и возникает то, что называется языковым (или речевым) стилем, т. е. более или менее выдержанное единство языковых средств, которое может характеризовать как отдельное высказывание, так и целый ряд высказываний.

В настоящей статье мы, конечно, не можем дать даже самой общей классификации языковых стилей и их номенклатуры, тем более, что этот вопрос всегда является вопросом конкретно-историческим, который разрешается по-своему для разных периодов развития каждого языка. Но мы попытаемся все же остановиться на некоторых наиболее общих чертах языковых стилей.

Устойчивость и повторяемость факторов, определяющих отбор языко-

⁶ В. Г. Б е л и с к и й, Собр. соч. в трех томах, т. III. М., ГИХЛ, 1948, стр. 385.

вых средств, ведет к типизации и единообразию языкового оформления целого ряда отдельных высказываний, т. е. к созданию языковых стилей, имеющих не индивидуальное, а общее значение. Положение об отсутствии общих языковых стилей равно положению о полной несистемности и хаотичности факторов, вызывающих отбор языковых средств, о случайности их действия. А между тем эти факторы определяются самой природой языка, его социальной функцией, обладают устойчивостью, и поэтому на их основе обязательно должны вырастать устойчивые типы языкового оформления речи — «общие» языковые стили.

Уже исходя из этих общих положений, мы никак не можем согласиться с Ю. С. Сорокиным, который вообще отрицает для современного русского языка существование сколько-нибудь устойчивых общих языковых стилей. Неосновательность этого утверждения легко может быть доказана. Достаточно прочитать подряд несколько статей различных авторов в любом математическом, физическом и т. п. специальном журнале, рассчитанном не на широкого читателя, а на специалиста, и мы увидим значительное единообразие (хотя, конечно, и не полную тождественность) использованных при построении научного текста языковых средств. В этой связи становится очевидным, что каждый языковой стиль обладает чертами известной системы, более или менее единообразной организацией языкового материала, т. е. наличием тех или иных признаков, которые придают ему особое своеобразие, качественную определенность.

Однако было бы ошибкой не видеть, что системы языковых стилей, особенно в современном языке, — это системы не застывшие, а легко проникающие друг в друга, варьирующиеся. Современный научный текст, например, допускает включение в него политической и бытовой лексики, хотя для стилевой системы такого текста эти элементы чужды; он допускает также перевод всего изложения в несколько повышенный эмоциональный тон, хотя в целом для него характерна совершенно иная, нейтральная эмоциональность. Здесь может иметь место слияние, синтезирование чрезвычайно разнородных в стилистическом плане явлений, — синтезирование, не приводящее к диссоциантности. Именно о наличии переходных явлений, об отсутствии застывших граней, а не о полном отсутствии языковых стилей свидетельствуют те примеры из работ Сеченова, которые приводит Ю. С. Сорокин.

Итак, в современных национальных языках языковые стили как системы не отгорожены друг от друга. В этом смысле правильная в своей основе представляется та критика, которой Ю. С. Сорокин подвергает понятие «замкнутой стилистической системы». Надо подчеркнуть, что эта критика весьма актуальна: в практике советского языкознания, особенно в методике преподавания иностранных языков, еще совсем недавно тезис о замкнутости языковых стилей широко применялся и из него делались далеко идущие выводы. При этом обычно замкнутость стилистической системы понималась слишком прямолинейно⁷, без тех существенных

⁷ В качестве показательного примера такого применения на практике тезиса о замкнутости языковых стилей можно привести утверждение Н. А. Михайловской о том, что определительная конструкция немецкого языка *zu + Partizip I*, имеющая значение долженствования, может изучаться только на материале технического текста. Н. А. Михайловская мотивирует это тем, что при изучении данной конструкции на другом, якобы искусственном материале студенты технических вузов «не будут узнавать изученные формы в специальной литературе, сколько бы им ни давали тренировочных упражнений» [Н. А. Михайловская, Методика работы по переводу в высшей технической школе (в связи с проблемой преемственности между средней и высшей школой). Канд. дисс. (Ленингр. электротехн. ин-т инженеров железнодорожн. транспорта), Л., 1952, стр. 16—17]. Таким образом, Н. А. Михайловская полностью

оговорок, которые делались ведущими советскими языковедами⁸ и которые, кстати, Ю. С. Сорокин не учитывает в своей полемике.

Вместе с тем надо отметить, что гибкость и подвижность системы языкового стиля сочетается с цельностью и законченностью этой системы. Это особенно ярко проявляется в области художественной литературы, лучших образцов публицистической и научной речи. Именно здесь огромный и сложный арсенал используемых языковых средств преобразуется в органическое единство, в своеобразный сплав, в котором нет ничего лишнего и ничего недостающего.

Ни один из языковых стилей со специфическим для него отбором языковых средств не претендует (и не может претендовать) на обслуживание жизни общества во всех ее проявлениях; в едином общенародном языке существует своеобразное «разделение труда»: каждый стиль обслуживает ту или иную сферу социальной жизни. Однако здесь существуют известные градации, «дробность» стилей оказывается неодинаковой. Если некоторые из них прикреплены лишь к одной, и притом очень узкой сфере социальной жизни, лишь к одному аспекту в содержании речевого общения, то область применения других стилей оказывается более широкой. Таков, например, языковой стиль публицистики: он обладает значительным диапазоном в отношении тех жизненных сфер, которые им затрагиваются, в отношении тех коммуникативных форм речи, которые могут в нем фигурировать, в отношении тех оттенков эмоциональной окраски, которыми он может быть насыщен, и т. д. Тем не менее и стиль публицистики полностью сохраняет свое частное положение по отношению к единому общенародному языку, выступая как его более или менее специализированное проявление в определенной области общественной жизни.

Наиболее своеобразное место среди всех языковых стилей занимает языковой стиль художественной литературы. Если для других языковых стилей характерна известная прикрепленность к определенной сфере социальной жизни, то язык художественной литературы, в силу специфики самой художественной литературы, обладает несравненно более широким, чуть ли не всеобщим характером: здесь концентрируется и в какой-то мере воспроизводится все многообразие языковых стилей данного языка. При этом в разные периоды развития художественной литературы, в разных ее жанрах границы и характер такого воспроизведения, естественно, бывают очень различны.

Вместе с тем, охватывая разные сферы жизни, используя различные коммуникативные формы речи, языковой стиль художественной литературы выступает не как нечто особое по отношению к единому общенародному языку, не как нечто отличное от него, а как его отражение, как его специфическое, концентрированное проявление и выражение. Таким образом, и здесь сохраняется зависимое и подчиненное положение языкового стиля по отношению к единому общенародному языку, и здесь выступает частный, хотя и своеобразно частный характер языкового стиля. Поэтому в применении к языку художественных произведений вполне оправдан термин «языковой стиль». Языковой стиль художественной литературы не ограничен резко от других языковых стилей;

«прикрепляет» эту конструкцию к системе определенного языкового стиля. А между тем конструкция эта применяется не только в научных и технических текстах, но и в научно-популярной литературе, в газете. По сути дела она действительно несвойственна только обиходной разговорной речи.

⁸ Так, говоря о «замкнутой системе средств выражения» как об одном из основных признаков стиля, В. В. Виноградов подчеркивает именно семантическую замкнутость (См. «О задачах истории русского литературного языка...», стр. 225).

это подтверждается, в частности, той близостью, которая существует между языковым стилем художественной литературы и языковым стилем публицистики.

Итак, язык, оставаясь единым для всего общества, оказывается охваченным сложной и многогранной системой переплетающихся стилей. В небольшой статье общего характера мы, естественно, не могли дать перечня языковых стилей и их номенклатуры. Сделать это можно только в работах, посвященных изучению отдельных языков определенной исторической эпохи, на основе конкретного анализа большого языкового материала. Думается, что самое главное сейчас — создание и публикация таких работ.